

© Владимир Зуев

ПАРАДОКС ОБРАТИМОСТИ
(Фантасмагория в одном действии)

Пьеса написана по заказу Норильского Заполярного театра драмы имени Вл. Маяковского

В пьесе используются стихи и тексты Н.А. Некрасова, А.А. Блока, Н.С. Гумилева, Л.Н. Гумилева, Н.А. Козырева

Действующие лица:

ДИРИЖЕР – з/к, политический, руководитель оркестра.

МУЗА ДИРИЖЕРА – з/к, политическая, певица, декламатор.

КОНФЕРАНСЬЕ – вольный, патологоанатом, фотограф, информатор.

ПЕВИЦА – з/к, эстонка.

ПИАНИСТ – з/к, эстонец.

ШУРА – з/к, бытовик, участник самодеятельности.

ГРАФ – з/к, бытовик, участник самодеятельности.

НЕМОЙ – з/к, участник самодеятельности.

КАПИТАН – вольный, начальник культурно-воспитательного отдела.

ЕЛЕНА – жена начальника лаготделения, возлюбленная Капитана.

ПЬЮЩАЯ – жена начальника спецчасти.

ЭЛЛА – работница политотдела, в очках и в пиджаке.

ДВОРЯНКА – жена бывшего начальника лаготделения.

ШЕСТИПАЛЬИЙ.

ПЕРВЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ.

ВТОРОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ.

РАБОЧИЕ СЦЕНЫ, ВОХРОВЦЫ.

1.

Сцена вращает ся. Прож ект ора освещают оркест р, кот орый наст раивает инст румент ы. Сцена вращает ся. За роялем сидит муж чина, эт о Д и р и ж е р, он наигрывает чт о-т о похож ее на «Взвейт есь кост рами», к нему подходит муж чина в плаще и шляпе – эт о Ш е с т и п а л ы й.

ШЕСТИПАЛЬИЙ. Здравствуйте. Я вот по какому делу к вам... Мне сказали, что вы – молодой, подающий надежды композитор, комсомолец. Партия поставила перед нами

задачу – написать что-то вроде марша, гимна Пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина. Слова уже есть, их написал один талантливый поэт. Правда, ритмическую основу он позаимствовал в «Фаусте», но это не страшно. Нужно же нам на что-то опираться, не так ли?!

ДИРИЖЕР. Не страшно... А почему я? Мне кажется, я не гожусь для такой роли.

ШЕСТИПАЛЬНЫЙ. Вы боитесь? Не бойтесь. Для советского человека нет невыполнимых заданий! Я думаю, что написание гимна пионеров – это почетная миссия, о которой мечтает каждый советский композитор, тем более начинающий. Или я ошибаюсь? Берётесь?

ДИРИЖЕР. Я не уверен, что смогу оправдать доверие...

ШЕСТИПАЛЬНЫЙ. Бойтесь не справиться, а отказываться не бойтесь? Может быть, вы подумаете? Мне кажется, мелодия, которую вы наигрывали перед моим приходом, очень даже подошла бы нашим стихам.

ДИРИЖЕР. Хорошо, я подумаю...

ШЕСТИПАЛЬНЫЙ. Вот это замечательно! Не думайте – пишите! Не бойтесь опираться на что-то уже известное. Значит, до встречи...

ДИРИЖЕР. Я попробую...

ШЕСТИПАЛЬНЫЙ. Вы даже не представляете, какую известность может принести вам этот гимн! Очень рад, что вы не ответили отказом. Вы сделали правильный выбор! Вы даже не представляете... Простите, я повторяюсь... Не буду вам мешать, до встречи!

Ш е с т и п а л ы й уходит, Дирижер наигрывает мелодию. Мелодию Дирижера продолжает оркестр.

Сцена поворачивается. На сцене танцуют пары. Отдельно танцует пара эстонцев. Их выхватывают прожекторы.

Появляется Шестипальный с фотоаппаратом на треноге.

ШЕСТИПАЛЬНЫЙ. Какая красивая пара! Сделайте фото – остановите мгновение! Товарищи, прошу вас!

Он и Она откровенно влюблены, шепчутся, смеются. Рабочие выносят задник с морем, устало вливают его. Эстонцы встают за ширму, просовывают головы в отверстие для фото. В ширме с краю появляется еще одно отверстие, в нем возникает улыбающееся лицо мужчины. Появляется рука, которая прикладывает к голове полицейскую фуражку. Шестипальный фотографирует.

ШЕСТИПАЛЬНЫЙ. Прекрасное фото! Простите, что отнял ваше время.

Сцена вращается. Ширма, на которой нарисована сцена-ракушка. Перед ширмой мужчина в костюме. Перед ним стоят люди. Мужчина читает лекцию.

НЕМОЙ. Время — колоссальный источник энергии. Время может расширяться и сжиматься. Время может быть счастливым, а может быть трагическим.

Появляется Шестипальный.

НЕМОЙ. Когда весь Мир перемещается по оси времени от настоящего к будущему, само это будущее, если оно физически реально, будет идти ему навстречу и будет, стягивая

многие следствия к одной причине, создавать в системе тенденцию уменьшения ее энтропии.

ШЕСТИПАЛЬИЙ. Простите, у меня вопрос. Вы сказали, что будущее реально... Возможно, вы знаете способ заглянуть в него?

НЕМОЙ. Если бы я знал этот способ, то непременно бы заглянул...

ШЕСТИПАЛЬИЙ. Правда ли, что вы не согласны с высказыванием Энгельса, что «Ньютон – индуктивный осел»?

НЕМОЙ. Ньютон – величайший ученый.

ШЕСТИПАЛЬИЙ. Огромное вам спасибо, товарищ!

Сцена поворачивает ся. На сцене ст ол и ст ул. Рядом со ст олом ст оит фот оаппарат на т реноге. Дальше ширма. Входит Ш е с т и п а л ы й, смотрит бумаги на ст оле, от крывает ящики. За ширмой включает ся прож ект ор. Видно два силуэт а – муж ской и ж енской. Шест ипальи улыбае т ся, рассмат ривает фот оаппарат. Прож ект ор за ширмой гаснет, от т уда выходит м у ж ч и н а, надевает медицинский халат.

КОНФЕРАНСЬЕ. Добрый день. Вы что-то хотели?

ШЕСТИПАЛЬИЙ (*направляет фот оаппарат на докт ора*). Какой замечательный аппарат.

КОНФЕРАНСЬЕ. Я вас не знаю. Кто вы? Представьтесь, пожалуйста!

ШЕСТИПАЛЬИЙ. Аппарат, говорю, замечательный у вас.

КОНФЕРАНСЬЕ. Я не понимаю. Кто вы?

ШЕСТИПАЛЬИЙ. Это не важно... Достаточно того, что мы знаем вас. У меня к вам дело, доктор. Насколько я понимаю, вы ценитель красоты?

КОНФЕРАНСЬЕ. Простите?

ШЕСТИПАЛЬИЙ. Любите фотографировать молоденьких девушек.

КОНФЕРАНСЬЕ. Я не понимаю, о чем речь...

ШЕСТИПАЛЬИЙ. Красивые фотографии, доктор. Это же почти искусство – умение остановить мгновенье.

Дост ает из кармана фот ографии, т асует как карт ы, вынимает по одной, показывает докт ору.

КОНФЕРАНСЬЕ. Что вы хотите?

ШЕСТИПАЛЬИЙ. Мы можем договориться, доктор. Вы будете помогать нам, а мы – вам.

КОНФЕРАНСЬЕ. А если я откажусь?

ШЕСТИПАЛЬИЙ. Воля ваша. Кажется, у вас есть любовница? Это она на фото? Познакомьте нас? Хотите анекдот, доктор? В тюремной камере разговаривают двое: «Какой у тебя срок?» – «Двадцать пять». – «За что?» – «Ни за что». – «Врешь! Ни за что десять дают». Не знали такой?

КОНФЕРАНСЬЕ. Это не она... Вы не посмеете!

ШЕСТИПАЛЫЙ. Все зависит от вас, доктор...

КОНФЕРАНСЬЕ. Я должен подумать...

ШЕСТИПАЛЫЙ. Я не прощаюсь... (*Бросает на пол фот окарт очки.*)

Играет оркестр. Ш е с т и п а л ы й уходит . Из-за ширмы выходит д е в у ш к а . Докт ор обнимает ее, они о чем-т о спорят . Девушка убегает . Докт ор дост ает из ящика ст ола пист олет , кладет на ст ол. Убирает его в ящик ст ола. Собирает с пола фот ографии, ж ж ет их в ведре.

Сцена вращает ся. На сцене рояль, около него молодой м у ж ч и н а чит ает ст их. Ст оят зрит ели, слушают .

МУЖЧИНА.

В гудках авто, в громадах серых зданий
И блеске электрических огней
Не слышно нам старинных заклинаний,
Не видно оживающих камней.

А между тем, как прежде, правит смертью
И тусклой жизнью только пустота.
Над крышами домов кружатся черти,
И ведьма гладит черного кота.

Появляет ся Ш е с т и п а л ы й.

Под сердцем наших дев гнездятся жабы,
В трамваях наших бродят упыри,
Но мы не знаем, где свершают шабаш,
И чьею кровью кропят алтари.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Bravo! Вы не знаете, чьи это строки?..

«Колдовством и ворожбою
В колдовстве глухих ночей
Леопард, убитый мною,
Занят в комнате моей...»

МУЖЧИНА. Знаю...

ШЕСТИПАЛЫЙ. Мне кажется, что ваш отец не был в Абиссинии. И леопард этот...

МУЖЧИНА. Нет, он был там!

ШЕСТИПАЛЫЙ. Кому лучше знать, мне или вам?

МУЖЧИНА. Конечно, мне...

ШЕСТИПАЛЫЙ. Так я думал, спасибо... Простите, что прервал вас...

Сцена вращает ся. Играет оркестр р. Звук шипения закончившейся пат ефонной пласт инки.

2.

Темнота. Слышно завывание ветра, лай собак, переключку. Слышно, как настраивается струнный оркестр. Слышно, как мужские и женские голоса что-то читают негромко вслух. Все эти звуки сплетаются в какой-то гул, созвучный завываниям ветра. Появляется свечение, зажигаются фонари, лучи которых хаотично движутся по сцене и залу.

Луч прожектора выхватывает женицин, которые стоят на краю сцены за ширмой, на которой нарисовано море, пляж и солнце. Видно мужчину в хирургическом фартуке и женщину в очках и пиджаке. Она помогает ему развязать халат на спине. Видно пару – мужчину и женщину в концертных костюмах: она сидит за роялем, он обнял её сзади, что-то шепчет ей на ухо. Прожектор выхватывает музыкантов оркестра, которые настраивают инструменты. Прожектор движется дальше, на краю сцены высвечивает женщину в платье и мужчину в военной форме, шапке и тулупе. Женщина что-то объясняет мужчине, он не соглашается с ней, пытается снять тулуп, она мешает ему снять его, толкает к выходу. Мужчина уходит. Женщина смотрит в сторону прожектора. Прожектор отворачивается от нее, светит на врача, который надел концертный костюм и возится с треногой от фотоаппарата.

Музыканты отложили инструменты, двое играют в карты, остальные наблюдают за их игрой. Отдельно от музыкантов сидит молодая женщина – это Муз а. Она скручивает в трубку нотную тетрадь, расправляет её, прижав к себе, смотрит на дверь.

Прожектор выхватывает трех женщин, которые стоят на краю сцены за ширмой. К ним подходит женщина, которая говорила с офицером, – это Е л е н а. Следом за ней идет К о н ф е р а н с ь е, несет небольшой столик. Ставит его, кланяется, уходит. Одна из женщин – в возрасте, плотная, по лицу видно, что пьющая. Вторая – в пиджаке, юбке в очках; это Э л л а, работница политотдела. Третья женщина стоит особняком – это Д в о р я н к а. П ь ю щ а я ставит на стол бутылку и две рюмки, наливает. Один протягивает Елене, выпивает. Елена молча берет рюмку, отпивает глоток.

ПЬЮЩАЯ (женщинам). Зря не пьете, зря. Веселее будет! Помню, в театр на материке придём – первым делом в буфет. Выпили – и хорошо. Мой спит до антракта, в антракте снова в буфет, чтобы спать хорошо, а я народ разглядываю. Кто с кем пришел, как одет кто. Ну, налить? Мужей, что ли, боитесь? Не до вас им... Ждут: вдруг начальство из Москвы прилетит! А не прилетит! Тебе, Елена, не наливаю – у тебя есть. Ну, надумал кто? (Обращается к женщине, которая стоит поодаль.) Дворянка, налить тебе? (Женщина не отвечает.) Может, ты, Элла, будешь? Ну и зря! И как хотите – наше дело предложить... Давай, Елена! (Пьет. Елена отпивает глоток, уходит в глубь сцены.) Переживает. Беда, муж про любовника узнал! Этого спровадит – новый появится. Ну не может она без этого дела, а муж слишком занятой достался. Я вот со своим хоть выпить могу, выпью, и не так противно. Тут он денег много проиграл, даже мои побрякушки все вынес. А на следующее утро взял и вернул всё. Я думала: отыгрался. Спрашивать не стала. Он сам потом пьяный толкует мне про какое-то зеркало профессора, которое в прошлое возвращает. Я уже решила, что допился. Смотрю на него, а синяка под глазом, которым об угол стола ударился, как не бывало – исчез, понимаешь! Куда делся?! И всё в дом вернул. Как вот понять это? Молчишь, и я вот не знаю. Ну, Элла-с-политотдела, выпьем?!

Э л л а уходит, женщина пьет одна.

Прожектор выхватывает оркестр. Двое играю в карты – это Ш у р а и Г р а ф.

ШУРА. Дело-то как было: ночью за ним пришли, когда спали все. Не вертухаи – другие. По тихой подняли и с вещами на выход. И поминай как звали, был человек и нету,

увели... Дневальный на мандраже... В расстрельный повели, а там амба! Бирку выдадут и кайло и вперед – копай себе могилу...

ГРАФ. Ты видел?

ШУРА. Ну не видел. Надежный человечек шепнул. Амба дирижеру! Это Капитану за чужую жену прилетело. Не по-христиански – с чужой женой... Вот дирижера и прихватили, а без него концерт не вывезти! А ответственный за концерт кто?! Капитан! Вот его за это и в хвост и в гриву! Хитро, но справедливо – начальник дошлый! Ты-то понимаешь, ты-то афёр!

ГРАФ. Не о том думаете, юноша. Вам бы сообразить, как долг будете отдавать, а вы про мораль. Со всех за всё спросится – не извольте даже волноваться! Про дирижера пусть у Капитана голова болит.

ШУРА. Так ты дослушай сперва... Я не проиграл ещё, а ты не выиграл...

ГРАФ. «Дослушайте», юноша!

ШУРА. Дослушайте. Я, кстати, за карточный долг хотел сказать. Фима Севе в карты продул, а отдавать не стал. Сева Фиму на нож, бобочку новую ему попортил, он её только на днях в карты взял. Натурально, Фима – дубарь. Вертухаи нам сказали: его из барака вынести, потом на санях его свезли куда-то. А наутро Фима приходит как живой. Улыбается такой и к Севе напрямиком. Мы врассыпную. Как такое в природе возможно, чтобы дубарь живым ходил?! Сева в угол щемится, а Фима с улыбкой нож достал и Севу завалил.

ГРАФ. И в чем тут, юноша, мораль? Смысл, так сказать, сего высказывания?

ШУРА. Говорят, какой-то профессор зеркала изобрел, чтобы людей с того света вертать можно было. Чтобы план выполнять, мы же все туфту закладываем. Народец мрет, а план делать нужно. Вот с того света и вертают. Вот и с Фимой так вышло. Зеркала какие-то, понимаешь... Мы потом почти каждый день пробовали – кукиш, не оживают дубари.

ГРАФ. Закройте ботало, юноша, целее будете!

Появляется свечение, зажигаются прожектора, лучи которых хаотично движутся по сцене и залу. Музыканты отложили карты, взяли инструменты в руки. Слышно завывание ветра, лай собак, переключку. Слышно, как настраивается струнный оркестр. Слышно, как мужские и женские голоса что-то читают негромко вслух. Все эти звуки сплетаются в какой-то гул, созвучный завываниям ветра. Конферансье, установил на треногу фотоаппарат, его помощница держит в руках вспышку. Сцена вращается по часовой стрелке. Вспышка. Темнота.

3.

Темнота. Зажигаются прожектора. Видно сцену. На сцене транспарант с надписью «Театр не отображающее зеркало, а – увеличительное стекло. Владимир Маяковский». Под транспарантом сидит оркестр. Перед оркестром – К о н ф е р а н с ь е-фотограф, взял фотоаппарат на треноге, оттащил в сторону, вышел на авансцену.

КОНФЕРАНСЬЕ. Товарищи! Дорогие товарищи и граждане заключенные. Сегодня я, так сказать, выполняю роль ведущего нашего праздничного концерта, посвященного постановлению Партии о создании театра в нашем исправительно-трудовом учреждении. Театр, товарищи, по высказыванию певца революции, поэта Владимира Владимировича Маяковского, – это не отображающее зеркало, а увеличительное стекло! Так что мы в

сегодняшнем концерте постараемся не отображать, а увеличивать! *(Напевает.)* «Мы поднимаем красное знамя. Дети рабочих, смело за нами! Близится эра светлых годов. Клич пионеров – «Всегда будь готов!» Товарищи, я не случайно начал с этого, конечно же, известного вам отрывка пионерского гимна. Дело в том, что первым номером нашей программы выступит оркестр под руководством автора музыки этого замечательного произведения. Представляю вам руководителя нашего оркестра, пианиста, композитора, дирижера!

Входит Дирижер, за ним – двое мужчин в форме. Дирижер улыбается, музыканты встают, смотрят на него, шепчутся. К музыкантам подходят двое мужчин в форме, они о чем-то говорят. Дирижер уходит, музыканты не садятся, продолжают говорить с мужчинами в форме. Садятся, играют что-то вразнобой. Встают. Конферансье подходит к мужчинам в форме, о чем-то спрашивает, возвращается к зрителям. Один мужчина уводит Дирижера, второй стоит рядом с оркестром.

КОНФЕРАНСЬЕ. Товарищи, минуточку терпения, у нас возникла небольшая накладка. *(Второму мужчине в форме.)* Считаю своим долгом сообщить некоторые обстоятельства сегодняшнего концерта: оркестр в полном составе отказался играть без своего дирижера, которого ночью увели из барака. Урки отказались играть из-за одного политического.

Входит Дирижер, за ним – мужчина в форме. Дирижер улыбается, музыканты встают, смотрят на него. Дирижер в ватнике и в сапогах. Его заводят за ширму, переодевают. На Конферансье сзади светит прожектор, на полу тень.

КОНФЕРАНСЬЕ. Произошла ошибка, товарищи: должны были забрать одного дирижера – взяли другого. В этой небольшой путанице, конечно же, разобрались.

Вынимает из кармана пиджака листы бумаги, разворачивает, читает.

Со слов автора текста, дело обстояло так: «Специальным решением Бюро ЦК РКСМ нам предлагалось написать пионерскую песню-марш. Поручили это дело мне. Я растерялся и был вынужден обратиться за советом к старшим товарищам. Практически со слезами на глазах сказал им: «Товарищи, положение мое безвыходное!». «У большевиков безвыходных положений не бывает!» – ответили мне товарищи и предложили оттолкнуться от чего-нибудь уже известного. В компании своих старших товарищей я отправился в Большой театр на «Фауста». Не помню, кто именно обратил мое внимание на солдатский марш: «Башни, зубцами нам покоритесь! Гордые девы, нам улыбнитесь!» И я почувствовал, что вот оно, нашлось. Несколько дней подряд я проговаривал про себя это четверостишие и, наконец, написал своё: «Взвейтесь кострами...». Но я для своего текста позаимствовал в «Фаусте» только ритмический ход. Я не знал, что комсомолец, автор музыки нашего гимна, там же изыщет музыкальный ход для своей мелодии».

Прожектор, освещавший Конферансье со спины, гаснет. Из-за ширмы выходит Дирижер во фраке, смотрит по сторонам. Один из сопровождающих его подает ему дирижерскую палочку.

КОНФЕРАНСЬЕ. Вот он, автор гимна пионерии! Был арестован органами «как контрреволюционер, способный на террор и шпионаж». Был осужден и приговорен к десяти годам лишения свободы. *(Пауза.)* Это, так сказать, официальная версия. Но есть другая, и, чтобы, так сказать, докопаться до истины, я считаю своим долгом... Наш дирижер рассказывает, что якобы был советским разведчиком-нелегалом. Однажды к нему обратился советский агент с просьбой передать куда следует добытые у немцев важные сведения. Естественно, агент нарушил конспирацию, сославшись на то, что за ним установлена слежка, а информацию необходимо передать незамедлительно. Наш дирижер

находит способ связаться с командованием и передает сведения, предоставленные ему нашим агентом. Спустя какое-то время дирижера отзывают «для отдыха» в СССР и отправляют прямым на Лубянку. Итак, для вас играет наш фантастический оркестр! Аплодисменты, товарищи. Для вас звучит песня «На Дальний Восток» из кинофильма «Девушка с характером».

Оркестр играет увертюру.

ЭЛЛА. Краткое содержание кинокартины «Девушка с характером». В поисках истины и возможности наказать директора-бюрократа, развалившего работу в некогда преуспевающем дальневосточном зверосовхозе, лучшая работница хозяйства Катя Иванова, в исполнении актрисы Валентины Серовой, приезжает в Москву. По пути к железнодорожной станции Катя ловит и сдает пограничникам шпиона. В поезде девушка знакомится с симпатичным моряком-краснофлотцем Сергеем Березкиным, который предлагает ей ехать в Москву и обратиться там, в Бюро. В Москве Катя, пока идет рассмотрение ее жалобы, работает то в одной, то в другой организации и везде агитирует девушек ехать на Дальний Восток. Товарищи, не бойтесь обращаться в Бюро жалоб – это такая инстанция, в которую можно пожаловаться на кого угодно.

К о н ф е р а н с ь е уходит. На сцену выходит д е в у ш к а, поет песню. Фотограф подходит к фотоаппарату, хочет сфотографировать девушку, она отворачивается, уходит. Вспышка. Темнота.

4.

Темнота. Зажигаются прожектора. На сцене К о н ф е р а н с ь е.

КОНФЕРАНСЬЕ. Товарищи, следующий номер нашей программы – пародия на «врагов народа», подготовленная двумя заключенными, активными участниками самодеятельности и драмкружка. В своем выступлении они хотят через увеличительное стекло показать нам, как и чем живут антисоветские элементы, осужденные за свою деятельность.

На сцену выходит Э л л а, работница политотдела.

ЭЛЛА. «Интеллигенция стала равноправным членом социалистического общества. Эта интеллигенция строит вместе с рабочими и крестьянами новое, социалистическое общество. Это – новый тип интеллигенции, служащей народу и освобожденной от всякой эксплуатации. Такой интеллигенции не знала еще история человечества».

КОНФЕРАНСЬЕ. Встречайте, товарищи. На сцене – дуэт «Два з/к».

Конферансье аплодирует, отходит в сторону. Рабочие выкатывают на сцену ширму с нарисованным пейзажем – тундра. Из-за ширмы появляются лица Г р а ф а и Ш у р ы, поочередно просовывают руки в отверстия ширмы. Мужчины в форме подают им маски и ветки. У Шуры маска Комика, у Графа – Трагика. Во вторую руку охранники дают ветки, которыми Шура и Граф отмахиваются от комаров.

КОНФЕРАНСЬЕ. Актеры изображают двух антисоветских элементов во время рабочей смены, они отгоняют надоедливых насекомых ветками. Аплодисменты, товарищи.

ШУРА.

Хочу спросить у Вас, коллега, для близиру:

Вы, чисто, как приемлете сатиру?

Я, честно вам сказать, не выношу,

когда на сцене комик или шут
пенсне нацепит – типа фрайерман...

ГРАФ.

Коллега, я объехал много стран –
был в Лондоне, Нью-Йорке и Париже.
Но всё же Родина милее мне и ближе...
Но Родина чумная, словно тень...

ШУРА (*перебивая*).

Блатные бы назвали вас «олень».
Нам Родиной исправиться дано!..

ГРАФ.

Мой друг, не стоит трёкать так чудно.
Нам многое дано и прочим многим
шанс протянуть копыта или ноги...
Сперва арест и справедливый суд,
и десять лет на отдых и на труд...

На сцену выходят двое охранников, у одного в руках лопата, у второго кирка. Они выхватывают ветки из рук Шуры и Графа, вместо них вручают лопату и кирку. Внизу ширмы в прорезях появляются ноги, которые синхронно маршируют. Шура и Граф читают хором.

ШУРА И ГРАФ.

Отличной бригаде – хвала и почёт!
Ударно работай – получишь зачёт!

Остановились, поменялись инструментами, маршируют, читают хором.

Забудь «не по силам», «не сделал», «не смог» –
от жаркой работы растает твой срок!

Выходит Конферансье, аплодирует.

КОНФЕРАНСЬЕ. Товарищи, как мы с вами только что увидели, у «врагов народа» есть один путь исправления – ударный труд под неусыпным надзором соответствующих органов. А следующая миниатюра, подготовленная дуэтом «Два з/к», снова посвящена антисоветчикам, которых перевоспитывает наша система с помощью каждодневной трудовой выработки и культурно-воспитательной работы.

Гаснет свет. Темнота. Слышно завывание ветра, лай собак, перекличку. Появляется свечение, зажигаются фонари, лучи которых хаотично движутся по сцене и залу. Звук шипения закончившейся патефонной пластинки.

Прожектора гаснут, Конферансье в луче света.

КОНФЕРАНСЬЕ. Товарищи, как мы с вами только что увидели, у «врагов народа» есть один путь исправления – ударный труд под неусыпным надзором соответствующих органов. А следующая миниатюра, подготовленная дуэтом «Два з/к», снова посвящена антисоветчикам, которых перевоспитывает наша система с помощью каждодневной трудовой выработки, культурно-воспитательной работы и товарищеских судов. Дело в том, что в кругах заключенных, которые продолжают между собой считать себя интеллигенцией, существует миф о двух невинно осужденных гениях – астрономе и поэте. Которые, уже находясь здесь, хотели активно помочь Советской стране тем, что они будут

работать по своей специальности. Но как могут помочь астроном и поэт своими наблюдениями и стихами добыче металла?

На Конферансье сзади светит прожектор, на полу тень.

КОНФЕРАНСЬЕ. Считаю своим долгом... Не знаю, как объяснить это явление, но оно есть. Мне кажется, что оно связано с экспериментами... Это зеркала профессора... У меня ощущение дежавю...

Прожектор, освещавший Конферансье со спины, гаснет.

КОНФЕРАНСЬЕ. Дуэт «Два з/к» сейчас с помощью театральных средств разрушит миф о двух невинно осужденных гениях – астрономе и поэте!

На сцене Граф в костюме звездочета и Шуря в костюме Пьеро. Перед ними за столом сидят трое с завязанными глазами, пьют из кружек.

ГРАФ. Я профессор-астроном, арестованный во время бала в честь годовщины Великого Октября. Во время ареста был с дамой. «А как же дама? Кто её проводит?»

ПЕРВЫЙ. Не суетитесь, провожатые найдутся.

ВТОРОЙ. За что вы арестованы? Причина?

ГРАФ. Причиной моего ареста и еще целой группы астрономов была зарубежная командировка директора нашей обсерватории – он четыре года проработал в Америке.

ТРЕТИЙ. После возвращения директора, конечно же, справедливо арестовали и расстреляли...

ГРАФ. А перед расстрелом он зачем-то выдумать шпионскую организацию, куда записал меня и еще десять человек.

ВТОРОЙ. Я думаю, что вам добавят срок за то, что в пылу научной дискуссии вы не потерпели рукоприкладства своего оппонента и ответили ему.

На Конферансье сзади светит прожектор, на полу тень.

КОНФЕРАНСЬЕ. Заключение астроном, о котором я уже писал ранее, во время драки утверждал, «что бытие не всегда определяет сознание», что он сторонник теории расширяющейся Вселенной, считает Есенина хорошим поэтом, а Дунаевского – плохим композитором и не согласен с высказыванием Энгельса о том, что «Ньютон – индуктивный осёл».

ПЕРВЫЙ. И что за фраер – этот Ньютон?

ВТОРОЙ. Вы с Энгельсом поспорили?

ГРАФ. Я не читал Энгельса, но знаю, что Ньютон – величайший из ученых, живших на Земле.

ТРЕТИЙ. Да, астроном, труба тебе. И к сожалению, труба не телескоп...

ВТОРОЙ. Ого, да вы прямо как Галилео Галилей! Нет, вы Джордано Бруно! И не читали Энгельса? Серьезно?

КОНФЕРАНСЬЕ. Еще он говорил про время. Что время, дескать, может отражаться, замедляться и ускоряться, уплотняться?

ТРЕТИЙ. Мне кажется, что время уплотнится. Десятка плюс десятка – двадцать лет. Здесь думать надо, здесь вам не университет!

ВТОРОЙ. А что у вас?

ШУРА. Я – враг народа, сын двух поэтов. Обвинен по статьям «Контрреволюционная пропаганда и агитация» и «Организационная контрреволюционная деятельность». Следователь заявил, что арестован я как сын отца своего.

ВТОРОЙ. Как поэтично вы сказали... Как сын отца...

ПЕРВЫЙ. За что тебя? Короче, доходяга...

ШУРА. После семи ночей избиения я сам подписал протокол с признанием «в руководстве антисоветской молодёжной организацией, в контрреволюционной агитации». Подписал первой буквой имени и первым слогом фамилии – «Лгу».

ТРЕТИЙ. Лгу?! *(Пауза.)* Да ну, не может быть!

ВТОРОЙ. Невинного человека не могут избивать в течение семи дней, после которых он собственноручно подпишет признательный протокол издевательской подписью «Лгу»!

ПЕРВЫЙ. Короче так решим промеж собою... Вы оба два наказаны судьбою с рождения... Судьей ли потом... Не в этом суть... Постановили вас на общие вернуть...

КОНФЕРАНСЬЕ Только с помощью каждодневной трудовой выработки и культурно-воспитательной работы наша система может перевоспитать антисоветчиков. *(Графу и Шура.)* Фото на память?

Граф и Шура отворачиваются. Вспышка. Темнота.

5.

*Темнота. Появляется свет. Оркестр играет лирическую тему.
На сцену выходит К о н ф е р а н с ь е.*

КОНФЕРАНСЬЕ. Товарищи, обратите внимание на этот пейзаж. Что вы видите там? Природу! Лес, река, поле...

Указывает рукой на ширму, на которой изображены река, поле, небо, солнце. Тут же ширму сзади начинает подсвечивать прожектор. Видно две тени, мужскую и женскую. Они стоят лицом друг к другу, обнявшись. Из-за кулис появляются двое мужчин, уводят мужчину и женщину в разные стороны.

Природу – в широком смысле этого слова. Пейзаж и человеческую природу в том числе. Что это? Что заставило их, уже осужденных социалистическим обществом, найти друг друга здесь? Любовь? Холод? Страх? Одиночество? Или это попытка создания антисоветской организации? Я думаю, что компетентные органы разберутся с этим вопросом. Да, товарищ дирижер? *(Зрителям.)* Я сразу узнал вас.

Из-за кулис выходят Д и р и ж е р и его М у з а.

Ну, раз вы уже разоблачены, точнее ваш союз, будьте так любезны – исполните нам что-нибудь такое, лирическое.

Дирижер говорит что-то музыкантам. Муза выходит на авансцену. Оркестр играет лирическую тему.

КОНФЕРАНСЬЕ. Не могу не сообщить имеющуюся у меня информацию, что возлюбленная нашего Дирижера, тоже политическая, осуждена за то, что родилась не в том месте, не буду уточнять где, в её деле есть соответствующие данные. Дело в том, что вышеназванная заключённая носит при себе пачку писем от нашего Дирижера. И я предполагаю, что однажды она за эту свою слабость может поплатиться.

Из-за кулис появляются двое мужчин в форме, уводят Музу за ширму, которая тут же начинает подсвечиваться прожектором. Музу обыскивают.

КОНФЕРАНСЬЕ. Как я понимаю, писем при нашей Музе не обнаружат.

Прожектор за ширмой гаснет, из-за ширмы выходит Муза, поправляет платье. За ней следом выходят двое мужчин в форме, смотрят на Конферансье.

ПЕРВЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. В своём письме аноним сообщает, что считает своим долгом сообщить о связи между заключённым Д. и заключённой М., которые используют время, отведённое на репетиции оркестра, для любовных встреч.

ВТОРОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. Также анонимный источник пишет, что не может не сообщить о письмах, которые гражданка М. всегда носит при себе. Наш аноним предполагает, что однажды эту пачку писем украдут уголовники. И соответствующим органам надлежит изъять эти письма и проверить переписку з/к Д. и з/к М. на контрреволюционную деятельность.

ПЕРВЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. Сообщаем нашему анонимному источнику, что во время обыска писем у указанной им заключённой не обнаружено, и проверить их на предмет контрреволюционной деятельности не представляется возможным.

ВТОРОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. Также хотелось бы узнать у нашего анонима, с каких пор он имеет возможность видеть ещё не произошедшие события. И как следствие этого вопроса возникает следующий: «Находится ли осведомитель или осведомительница в здравом рассудке или пытается ввести в заблуждение компетентные органы?»

ПЕРВЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. Благо, что у нас ничего не возникает из ничего и не исчезает бесследно... Гражданин на 3 ряду, шестое место. Встаньте, пожалуйста! Да, вы!

Мужчина встает, его освещает прожектор.

ВТОРОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. Сообщите, что у вас находится в кармане пиджака. Не волнуйтесь, мы сейчас подойдём к вам.

Следователи идут к мужчине, он вынимает из пиджака письма, перевязанные веревкой. Следователи просят зрителей встать и выпустить мужчину. Берут его под руки, уводят.

КОНФЕРАНСЬЕ. Товарищи, на ваших глазах мы видели, как наши доблестные органы раскрыли запутанную историю переписки, в которой черт знает что может быть! Мы должны быть бдительны, товарищи! Откуда мы знаем, кто сидит с нами рядом?! Нужно всмотреться в него, в своего соседа. А вдруг за приличной внешностью прячется враг? Нужно всматриваться, вслушиваться и не стесняться сообщать об увиденном! Можно в письменной форме, но главное – это не быть равнодушным! На самом деле это был фокус, товарищи! Аплодисменты! Аплодисменты нашим замечательным фокусникам! Просим их на сцену!

На сцену выходят П е р в ы й и В т о р о й с л е д о в а т е л и, кланяются зрителя, уходят. Конферансье показывает руками Дирижёру, что нужно дирижировать, оркестр начинает играть. Конферансье подходит к Музе, берет её под руку, отводит в сторону.

КОНФЕРАНСЬЕ. Признайтесь, вы же носите с собой письма, его письма. Зачем отрицать очевидное?! Рано или поздно найдут или украдут, тогда поздно будет. Тогда и вы, и он пострадаете. Лучше сейчас – вы, чем потом – оба. Неужели вы не любите его и хотите ему зла?! Признайтесь, я никому не скажу, мне только проверить свои догадки.

Муза высвобождает свою руку, идёт на авансцену, поёт. В финале песни Конферансье пытается сфотографировать Музу, она отворачивается. Вспышка. Темнота.

6.

Темнота. Появляется свет. Оркестр начинает играть джазовую тему. Солирует рояль. На сцену выкатывают рояль и играющего на нем м у ж ч и н у. Следом за мужчиной на сцену выходит ж е н щ и н а. За ней выкатывают задник с нарисованным морем и пляжем. На мужчину и женщину святят прожектора. Появляется К о н ф е р а н с ь е.

КОНФЕРАНСЬЕ. Товарищи, примерно вот так покинули свои прежние места проживания бывшие члены различных контрреволюционных националистических партий, бывшие полицейские, жандармы, помещики, фабриканты, бывшие крупные чиновники Литвы, Латвии и Эстонии и другие лица, ведущие подрывную антисоветскую работу и используемые иностранными разведками в шпионских целях. Сейчас для вас выступят два таких лица: Она и Он. Она – певица, он – пианист. Да, и они – муж с женой! Такой вот контрреволюционный дуэт! Для вас звучит песня «Молодежная» из кинокартины «Волга-Волга».

Дирижер кланяется зрителям. Оркестр играет увертюру. На сцену выходит Э л л а.

ЭЛЛА. Краткое содержание кинокартины «Волга-Волга». Начальник управления мелкой кустарной промышленности Бывалов мечтает о службе в Москве. Он получает распоряжение подготовить к всесоюзному смотру участников художественной самодеятельности. Бывалов считает, что посылать в Москву некого, несмотря на то, что в городе есть два творческих коллектива. В конце концов каждая группа отправляется по Волге в столицу своим путем. Товарищи, настоящий талант всегда пробьет себе дорогу!

ОН. Помню, нас погрузили в вагоны для скота. В каждом нары в два этажа, духота. Двери задвинули и повезли. Был Янов день. Только мы про него забыли. Мы ехали от своего дома, от своего праздника. Кто-то в вагоне сказал: «Товарищи, сегодня Янов день». Стало страшно, что не будет никогда ворот, украшенных цветами. Люди не выйдут из своих домов, чтобы разжечь костры, чтобы танцевать, веселиться, чтобы петь хором.

ОНА. Влюбленные не будут до утра по лесам искать цветы папоротника. Мы вдруг поняли, что ничего этого уже не будет. Поезд где-то остановился. И я услышала, как в соседнем вагоне запели. Сначала робко, потом смелее. И наш вагон подхватил, и дальше, еще и еще. Охрана вагонов не знает, что делать, когда поют. У стрелков не было инструкций. Стали стучать прикладами в двери, ругаться.

ОН. И я запел. Запел от обиды, от страха, от безысходности. Потом была зима. Мы думали, что она никогда не кончится. Потом нам объявили, что срок высылки двадцать лет и скоро отправят на Крайний Север. Мне, да и многим из нас казалось, что это какая-то обетованная земля, это где-то совсем далеко.

ОНА. Нас погрузили в плавучий эшелон. Это был ковчег Ноев. Многоярусные нары в трюмах, забитых людьми. Ноев ковчег или Ноев гроб. Нас накормили, светило солнце, и мы плыли куда-то далеко... Мы были вшивые, полуголые, исхудалые, но молодые. И молодость брала своё. Мы устраивали танцы на палубе, а к ночи там уже целовались и обнимались пары. Мы ожили...

ОН. Мы танцевали под замечательный еврейский джаз-бенд. Инструментов, конечно же, не было, но музыканты имитировали звуки саксофона, трубы, контрабаса. Ударники взяли миски, кастрюли, ложки. И среди нас были профессиональные певцы.

Он играет, Она поет песню. Нас сцену выходят жены начальства, сидящие в зале, рабочие сцены, следователи. Танцуют. Музыка продолжается.

На сцену выходят мужчины в форме. Люди, кот орые только что танцевали, пятят ся за кулисы. Один из мужчин в форме уводит девушку, второй подходит к роялю. Какое-то время слушает музыку, качает в такт головой, потом резко закрывает крышку. Оркестр замолкает.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Тишину люблю. Устаю от звуков на работе. *(Пауза.)* Вам хотелось бы, чтобы её больше не уводили? Вы же творческий человек, у вас замечательный дуэт. Да, чуть не забыл: она же ваша жена. Разве вам не хочется быть всегда вместе, рядом? Я вижу по вашему взгляду, что вам всего этого хочется. Мне от вас нужно совсем немного. Вы будете сообщать мне о подозрительных людях, странных разговорах. Вы меня понимаете? Хотите, её сейчас вернут? Вы согласны помочь нам и себе?

Мужчина открывает крышку рояля, играет. Следователь делает жест рабочим сцены, рояль вместе с пианистом увозят за кулисы. Музыка какое-то время продолжает звучать, потом обрывается. Появляется Конферансье.

КОНФЕРАНСЬЕ. Жаль, конечно, но они не будут вместе. Она пропадёт, не вернется после очередного концерта, он сойдет с ума, когда его под дулом пистолета заставят рыть себе могилу. Я хочу признаться, как у меня возникают видения из будущего. Я экспериментирую с зеркалами. Говорят, что профессор открыл свойство времени отражаться от алюминиевых зеркал.

На заднике, позади Конферансье, возникает тень в плаще и шляпе и огромная кисть руки с шестью пальцами.

ГОЛОС. Очень ценим ваше добровольное признание. Обещаем, что оно будет принято во внимание в процессе рассмотрения вашего дело. Скажите, каковы ваши успехи в экспериментах с зеркалами? С помощью них можно и в прошлое, и в будущее? В следующем своем рапорте подробно сообщите, что вы видели в процессе своих экспериментов. Алюминиевые, говорите... Хорошо, мы проверим.

Вспышка. Темнота.

7.

Появляется свет. На сцену выходит Конферансье. На него светит прожектор.

КОНФЕРАНСЬЕ. Товарищи, следующий номер нашей программы посвящён нелепым суевериям заключённых, которые мешают им добросовестно трудиться на благо нашей Родины, ударным трудом искупая свою вину. Простите, оговорился... Конечно же, «искупая». На благо нашей Родины, ударным трудом искупая свою вину... Номер сделан силами активистов нашей самодеятельности, которые, бесспорно, составят основу нашего

театрального коллектива. Нам будет представлено несколько драматических миниатюр. *(Пауза.)* Дело в том, среди бытовиков и некоторых политических существует миф о некоем Шестипалом – следователе, который может прийти за каждым, невзирая на то, вольный ты или заключённый. По описанию, которое мне удалось получить, Шестипалый – высокого роста, в кожаном плаще и кожаной шляпе, на одной из рук или же на обеих руках имеет по шесть пальцев. Из опрошенных мною, с целью составления портрета Шестипалого, лиц из числа заключённых и некоторых вольных все были в состоянии крайнего нервного возбуждения, имели признаки истерии и помрачение рассудка. Встречаем: миниатюра «Немой и Шестипалый».

На сцену выходит молодой человек, выносит табурет, ставит его, встает рядом. Рабочие выкатывают ширму, которая сзади подсвечивается прожектором. На ширме появляется тень в плаще и шляпе.

ТЕНЬ. Здравствуйте. Садитесь.

Мужчина садится.

ТЕНЬ. Как вы думаете, почему вы арестованы?

Мужчина начинает жестиковать на языке глухонемых.

ТЕНЬ. Как не знаете?! Даже не предполагаете ничего?

Мужчина жестикует.

ТЕНЬ. Подумайте. Неужели вы не предполагали, что можете быть арестованы? Нет? Припомните хорошенько.

Мужчина жестикует.

ТЕНЬ. Ну, хорошо. Продолжайте молчать – может быть, потом сговорчивее будете. Давайте приступим к анкете. Василий Александрович Молчанов, 1919 года рождения. Русский. Сирота. Осуждён за вредительство. Вы вредитель, Василий Александрович?

Мужчина мотает головой, жестикует.

ТЕНЬ. Так и запишем: «Вредитель. К Советской власти отношусь негативно».

Немой встает, хочет зайти за ширму, но его тут же усаживают на табурет мужчины в форме. Уходят.

ТЕНЬ. Советская власть милосердно относится ко всем, кто готов сознаться, исправиться и идти с ней в ногу. Мы сделаем всё, что в наших силах, чтобы спасти вашу жизнь, но не губите себя сами. Понимаете, нам нужны доказательства вашего искреннего желания идти с нами вместе. Поверьте, что мы никогда не арестовываем, не имея данных, достаточных и многократно проверенных. Я всего лишь хочу дать вам возможность раскаяться самому и сообщить нам всю имеющуюся у вас информацию.

Мужчина мотает головой, жестикует.

ТЕНЬ. Хорошо. А что вы скажете на это?

Видно, как Тень достаёт из кармана плаща бумагу, разворачивает её, читает.

ТЕНЬ. Я, Иванов Василий Васильевич, 1919 года рождения, являюсь членом антисоветской организации, созданной здесь, в лагере. Я осознаю свою вину перед

советским народом, перед партией и правительством. Хочу добровольно выдать своих сообщников по контрреволюционной деятельности. Вот их фамилии...

Немой мычит, вскакивает, прожектор за ширмой гаснет, тень исчезает. Немой смотрит на задник. Из-за него появляется большая деревянная кукла, одетая в ватник, в ушанку. Немой берет её, начинает неумело управляться ей. Возникает музыка. Кукла шагает, падает, встает. На куклу начинает светить прожектор. На заднике тень куклы. Слышно вой ветра. Рядом с Немым появляются двое, руками изображают морды собак, которые проецируются на задник. Собаки не дают кукле шагнуть в стороны. Кукла ложится на землю. Появляется тень Шестипалого. Тени собак исчезают. Теперь Шестипалый словно управляет куклой. Кукла встает, медленно поднимается вверх, раскрывает руки как крылья. Выстрел. Прожектор гаснет.

Появляется К о н ф е р а н с ь е. Н е м о й кланяется, уходит.

КОНФЕРАНСЬЕ. Иногда лучше говорить, чем молчать! Товарищи, если вам есть что сказать, скажите, не нужно усугублять молчанием. И снова на нашей сцене дуэт «Два з/к».

Появляется Г р а ф и Ш у р а. Шура выносит стул, Граф садится. Около стула Графа на полу рассказываются оркестранты, Он и Она, Муза. Из-за кулис подглядывают охранники.

ГРАФ. Время играет в мире огромную роль: активно «вмешивается» в процессы, происходящие в природе, организует природные системы, является основой жизни, противостоит росту энтропии и «тепловой смерти» Вселенной. В пространстве плотность времени неравномерна и зависит от места, где происходят процессы. Некоторые процессы ослабляют плотность времени и поглощают его, другие же, наоборот — увеличивают его плотность и, следовательно, излучают время. Так, действие повышенной плотности времени ослабляется по закону обратных квадратов, экранируется твердым веществом толщиной около сантиметра и отражается зеркалом согласно обычным законам оптики. Уменьшение же времени около какого-либо процесса вызывается втягиванием туда времени из окружающей среды. Действие этого явления экранируется веществом, но не отражается зеркалом.

ШУРА. Значит, это правда про зеркала...

ГРАФ. Мой товарищ по камере после карцера сошел с ума и умер, я остался один. Мне не давала покоя идея о неядерных источниках энергии звезд. Я зашел в тупик, мне не хватало информации. Открылось окошко в двери камеры, и мне бросили книгу «Курс астрофизики». Я понимал, что это какое-то чудо и что так не бывает. Я стал заучивать книгу наизусть. Через двое суток обход начальника тюрьмы, и он, зная, что я астроном, приказывает изъять книгу. Но я получил тот толчок. Я начал ходить по камере, хотя днем разрешалось только сидеть на табурете, а ночью лежать на койке. За это меня отправили в карцер на пять суток. Кажется, это было в феврале. Я выжил...

КОНФЕРАНСЬЕ (*перебивает*). Аплодисменты, товарищи! Вы только что увидели еще один пример возникновения антисоветских мифов!

На Конферансье сзади светит прожектор, на полу тень.

По моим сведениям, астроном изобрел некие зеркала. Насколько я понимаю, своего рода машину времени. Но его изобретение присвоено, засекречено и скрывается от Партии. Эти зеркала способны переносить человека в прошлое, что было неоднократно проверено на з/к и лично гражданином М., который занимает высокую должность в нашем учреждении.

Гаснет свет. Темнота. Слышно завывание ветра, лай собак, переключку. Появляется свечение, зажигаются фонари, лучи которых хаотично движутся по сцене и залу. Звук шипения закончившейся патефонной пластинки.

Проектора гаснут, Граф в луче света. Он сидит на стуле раскачивается вперед-назад, говорит быстро и монотонно.

ГРАФ. Проявление активных свойств Времени происходит в «нужный момент, в нужном месте». Нет жесткой предопределенности будущего. Творческое вмешательство Времени допускает творческую коррекцию хода процесса. Будущее существует, но «нечеткое» и как бы «размазанное». Событие в будущем реализуется потому, что Время выстраивает цепочку неопределенностей таким образом, чтобы это событие смогло произойти...

На Конферансье сзади светит прожектор, на полу тень.

КОНФЕРАНСЬЕ. Хочу добавить, что неоднократно наблюдал феномен «воскрешения». После того как я производил вскрытие, тело изымалось... Через какое-то время я вновь производил вскрытие этого же тела. Я не сумасшедший, я просто считаю своим долгом...

Прожектор, освещавший Конферансье со спины, гаснет. Конферансье обрывает мужской голос. На заднике, позади Конферансье, возникает тень в плаще и шляпе и огромная кисть руки с шестью пальцами.

ГОЛОС. Спасибо. Мы проверим вашу информацию.

КОНФЕРАНСЬЕ. Но я еще не успел...

ГОЛОС. «Думаю, что подобное изобретение не должно укрываться от Партии, а должно работать во всю мощь, чтобы догнать и перегнать в экономическом отношении...» Все верно? Так у вас написано, товарищ?

Тень исчезает. Прожектор светит на Конферансье. Вспышка. Темнота.

8.

Темнота. Появляется свет. Оркестр начинает играть джазовую тему.

Появляется К о н ф е р а н с ь е. Следователи выводят на сцену Д и р и ж е р а и М у з у.

КОНФЕРАНСЬЕ. Что и требовалось доказать, товарищи! Письма существуют. И сейчас мы их услышим! Аплодисменты!

Следователи дают письма Дирижёру и Музе, аплодируют.

КОНФЕРАНСЬЕ. Прошу вас, не стесняйтесь. Всё уже открылось. Ваша личная жизнь больше не является тайной. Да и скрывать вам нечего... Или я ошибаюсь?

ОНА. Мы в какой-то маленькой комнатке. Я знаю, что это наш дом, мой и твой. Из вещей только стол, раскладушка и стул. На окне цветы в банке. Это ты принёс мне их. Я жду тебя с работы. Я знаю, что ты вот-вот войдёшь во двор. Я жду тебя. Жду тебя, но не смотрю в окно. Я не люблю смотреть в окно, когда жду тебя. Я знаю твои шаги, я услышу тебя ещё внизу, когда ты ступишь на первую деревянную ступень. Ты поднимаешься быстро, ты торопишься ко мне. Мы оба знаем, что такое время и что такое ждать.

ОН. Когда я понимаю, что не могу быть с тобой рядом, что это невозможно в силу тех обстоятельств, которые соединили нас здесь... Это что-то совсем из другого порядка, из другой жизни. Ты понимаешь, что я говорю не про ту реальность, которая нам дана

сейчас. Я решил писать тебе про свои сны. Я понял вдруг, что те сны я совсем не помню, – разве только свои детские. А эти удивительно похожи на те, из детства. Я в них могу делать всё, что мне придёт в голову. Главное, что в этих снах есть ты. Я не всегда вижу тебя, но знаю, что ты присутствуешь, что ты со мной. Мы можем быть с тобой постоянно, и день и ночь, засыпать и просыпаться, можем гулять после завтрака и валяться после обеда. Мы можем сбежать, мы сбегает с тобой регулярно. Но почему-то возвращаемся сюда снова. Видимо, потому что мы здесь встретились.

ОНА. У нас будет ужин – картошка, жаренная на сале. После ужина мы будем пить чай, сидя на полу. Ты будешь трогать мои пальцы, я буду смотреть на твоё лицо. Ты очень красивый.

ОН. Мне снилось, что мы едем в поезде, у нас отдельное купе. Я смотрю в окно, ты застилаешь полки. Стук в дверь. Я открываю и вижу человека, который приходил ко мне давно, чтобы предложить написать музыку для марша. Я узнал его. Он вежливо извиняется, улыбается и уходит. Я смотрю ему вслед. Он доходит до тамбура, а там его ждут люди в форме. Он говорит им что-то, я понимаю, что нам с тобой нужно бежать и просыпаюсь.

ОНА. Потом мы уедем с тобой в большой город, у нас будет большая квартира, в которой у тебя будет инструмент. Ты сможешь играть. Я буду тихонько сидеть в кухне или в другой комнате. Я не потревожу тебя. Ты сможешь работать дома... Я буду очень тихой...

ОН. Я сижу на ветке дерева, и меня никто, кроме тебя, не видит. Я тихонько зову тебя, а ты стоишь и ждешь момент, чтобы забраться ко мне наверх. Мы смогли бы улететь вдвоем с этой ветки – я так думаю во сне.

ОНА. Скоро всё кончится, милый. Я чувствую. Не бойся, я буду ждать, я буду рядом. Я всегда буду рядом и всегда буду ждать тебя.

ОН. Перед тем, как меня забрали ночью, я задремал. Я чувствовал, что придут, но не стал ждать. Меня вывели из барака и привели к подножию горы, дали кирку. Снег кругом. Я вижу, что вокруг меня много людей стоит. Молчат, ждут. Потом за горой стало светиться что-то. Глазам смотреть больно. Я зажмурился на мгновение... Глаза открыл: огромная кукла встает над нами из-за горы. Я словно веревками привязан к этой кукле. Веревки эти тянутся к ней от рук, от ног, от головы.

ОНА. И время будет совсем нашим. Навсегда. Я знаю это. Только нам нужно немного потерпеть, подождать немного. Умоляю тебя, милый, давай подождем...

ОН. Кукла неуклюже как-то, рвано, двигает своими пальцами. Я и вокруг все двигаемся в такт движениям этим. Поднимаем и опускаем кайло, бьем мерзлоту. Мы словно все загипнотизированы куклой этой, этим истуканом. Я поднимаю голову и вижу, что ниток никаких нет! Нет веревок, тросов, что это все иллюзия. А кукла сама по себе, словно в припадке каком, движется. Так не должно быть... Зачем я по собственной воле рою для себя могилу? Я смотрю под ноги, а там, в мерзлоте, что-то блестит, словно зеркало. Всполохи от сияния и рваные движения этой куклы у меня под ногами, в мерзлоте. Я встаю на колени, вижу свое лицо. Я молодой, я улыбаюсь. Тот, в зеркале, рукой зовёт меня. Я поднимаю голову, а кукла грозит мне пальцем. Я замерзаю, со всей силы бью мерзлоту, чтобы согреться. Чтобы разбить зеркало.

ОНА. Мы будем засыпать и просыпаться вместе, и нам ничего не будет сниться. Пусть будет пустота, чтобы никаких напоминаний. Нет прошлого. Мы его сотрем, милый.

ОН. Под ногами мое лицо и мамы. Мы улыбаемся. Мама машет мне рукой. Я не могу рыть, мне душно. Я задыхаюсь. Я ложусь на землю, на зеркало, дышу на него и слышу сверху смех. Поворачиваю голову и вижу, что те, другие, кто рыл рядом, тоже легли на лёд. Над каждым вохровцы кладут блестящую металлическую пластину полукруглую. И уже надо мной положили такую крышку... И я успокоился, всё – обратного хода больше нет. Я не хочу туда: там тебя нет. Я кричу, пытаюсь сдвинуть крышку эту, не могу. Чувствую, что меня обманули. Что мама и лицо моё – это обман. Я остаться хочу. Хочу, чтобы ты рядом.

ОНА. Скоро всё кончится, милый. Я знаю. Я буду ждать тебя, я буду рядом. Я всегда буду ждать тебя, я всегда буду рядом.

ОН. Я переворачиваюсь на спину. Вижу, как кукла двигает охранниками. К каждому из них от ее рук тянутся веревки. Как можно управлять такой массой людей? Как сделать так, чтобы они двигались синхронно, говорили синхронно, синхронно думали? Какой жуткий и сложный механизм. Охранники достают пистолеты... Я не хочу смотреть, как выстрелят мне в упор. Переворачиваюсь на живот. Я чувствую, что не умру. Он выстрелит, а я буду жив. Но это уже не совсем я. Будто бы я отражение.

ОНА. Умоляю тебя, милый, нужно чуть-чуть подождать... Время будет совсем нашим, уже навсегда. Только нам нужно немного потерпеть, подождать немного.

ОН. Сердце замолчало. Я ощущал, что оно не бьется больше. Секунду назад где-то в голове колотилось, а потом тишина. И все исчезло: вой, пурга, охранники, кукла. И сердце пошло, только я его почувствовал с другой стороны, справа. Удивился, прижал руку, а оно там. Потом я понял, что замерзаю, откинул зеркальную крышку и встал. Рядом встали все остальные. За горой ничего не было – была ночь, было ясно, звезды. Когда шел назад, мне почудилось, что невидимый кто-то за мной следует. Но мне не страшно. Я знаю: он не причинит зла.

КОНФЕРАНСЬЕ. Ну, это не совсем то, что мы надеялись услышать от вас... А про любовь где? Где про желание искупить свою вину? Где раскаянье? Будем работать над этим. Хотите фото на память?

*Конферансье пытается сфотографировать Дирижера и Музу, они отворачиваются.
Вспышка. Темнота.*

9.

Появляется свет. На сцену выходит К о н ф е р а н с ь е. На него светит прожектор.

КОНФЕРАНСЬЕ. Товарищи, следующий номер программы нашего праздничного концерта, посвященного мудрому и очень своевременному постановлению о создании театра в нашем учреждении, – собственно театр, театральная миниатюра, подготовленная двумя заключенными. В этой сценке заключенные выступают против так называемой «туфты», техники учёта фиктивного труда! Только честный, реальный труд поможет нашей стране в ближайшей обозримой перспективе «догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны». И мы увеличим, умножим, догоним и перегоним!

На сцену выходит Ш у р а, в костюме Пьеро, и Г р а ф, в костюме Арлекина.

ШУРА.

Пассионарная, прикинь, теория этногенеза.

Я автора её готов порезать

за то, что чокнулся догнать его туфту.
Комплиментарность эту да еще вот ту
консорцию. Вот фраерман, олень!
Такую муть поднял, такую мутотень!
Пассионарий – типа контрик, чисто враг.
Ему бы лишь бы дуба дать, но не за так,
а за идею, жару дать вокруг!
На бас такого не возьмешь и на испуг,
он сам себе судья и вертухай.
Не догоняю я, и ты не догоняй.
Консорция ему – барак родной,
он в этой теме чисто свой, блатной.
А этнос – маза через двести лет.
Таких сроков тут не было и нет.
Какое масло в этой голове!
Я пайку бы отдал и даже две,
чтоб выучиться так туфтить туфту –
комплиментарность эту или ту...

ГРАФ.

Я не догнал, короче, роль пассионариев
у нас в стране Советов, пролетариев.

Гаснет свет. Темнота. Слышно завывание ветра, лай собак, перекличку. Появляется свечение, зажигаются фонари, лучи которых хаотично движутся по сцене и залу. Звук шипения закончившейся патефонной пластинки.

Проектора гаснут, Конферансье в луче света.

КОНФЕРАНСЬЕ. Товарищи, следующий номер программы нашего праздничного концерта, посвященного мудрому и очень своевременному постановлению Партии о создании театра в нашем учреждении... *(Пауза.)* Кажется, я уже говорил это ... Собственно театр, театральная миниатюра, подготовленная двумя заключенными.

Прожектор высвечивает Ш у р у и Г р а ф а, они в телогрейках.

ГРАФ.

Бес, свободу отняв у нас,
Наши души хочет отнять.
Лучше сдохнуть здесь десять раз,
Чем подобное подписать.

ШУРА.

Тяжела и страшно сильна,
Захватившая нас рука.
Наша гибель слишком ясна.
Наша гибель слишком близка.

ГРАФ.

Но подумай, какой простор
Развернется там пред тобой.
Потолок в тюрьме — голубой,
Вместо стен — силуэты гор.

ШУРА.

Как любить такую страну,
Где у всех мы будем в плену?
У широкой синей реки,
У бессонницы и пурги,
И у сушащей кровь тоски,
От которой в глазах круги.
И у проволоки тугой,
И у низких, чахлых берез,
Бездорожий тундры нагой,
И таежных несчетных верст.
Но бояться этой страны
Мы не станем и в смертный час.
Беспощадный гнев сатаны
Несклоненными встретит нас.

За ширмой зажигает ся свет , появляется тень Ш е с т и п а л о г о .

ШЕСТИПАЛЬИЙ.

Сорок сов собралися во тьме.
Меркнет тьма под ударами крыл.
Хеляме! Хеляме! Хеляме!
Черный ветер, исполненный сил,
Пронесись, пронесись по тюрьме
Улетающим совам вослед.
Намоньйа манги хеляме!
Бафомет! Бафомет! Бафомет!

ГРАФ. Я изнемог. Я больше не могу.

ШУРА. Нет, хуже там в январскую пургу.

ГРАФ. Не выдержать в мучении таком.

ШУРА. Нет, хуже там, в бараке воровском.

ШЕСТИПАЛЬИЙ.

Покатись! Покатись! Покатись!
В мир подземный бездонен поклон!
Опрокинься надзвездная высь!
Пополам расколись небосклон!
Из глубокой подземной воды
Выплывает полуночный свет.
Нере, нере, чулыб, чулугды!
Бафомет! Бафомет! Бафомет!

Свет гаснет .

ГРАФ. Мне больно! Больно! Милости прошу!

ШУРА. Начальничек, пусти! Я подпишу!

Звук шипения закончившейся патефонной пластинки.

10.

*Темнота. Появляется свет. Оркестр начинает играть лирическую тему.
Появляется К о н ф е р а н с ь е.*

КОНФЕРАНСЬЕ. Дорогие товарищи, на сцене товарищ Элла.

ЭЛЛА. Всем гражданам СССР обеспечивается право на труд, право на отдых, право на образование, право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. Женщине предоставляются равные права с мужчиной во всех областях деятельности.

На Эллу сзади светит прожектор, на полу тень.

Мне сейчас так же страшно, как тогда. Помнишь, дорогой, пришел тот человек в шляпе, ты вышел к нему, а я осталась за ширмой. Я не сразу поняла... Не поняла, но почувствовала, что ты исчезаешь, растворяешься. Я знаю, что ты это сделал ради меня... Я тебя не виню... Знаешь, на что это похоже... Это как аборт... Только тебя выцарапывают где-то под сердцем. Я искала тебя... Не спрашивай, как мне это удалось. Я здесь, рядом. У нас не родилась дочь, дорогой. Я убила ее. Она бы мешала мне найти тебя... Теперь ты стоишь за ширмой, я слышу твое дыхание. Теперь у тебя колотится сердце, а я спокойна. Я теперь товарищ Элла.

Прожектор со спины гаснет.

Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, является непреложным законом. За всеми гражданами признается свобода совести и свобода антирелигиозной пропаганды. Конституция – в интересах укрепления социалистического общества – гарантирует свободу слова, печати, собраний и митингов, право объединения в общественные организации, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища и тайну переписки, право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или за научную деятельность, или за национально-освободительную борьбу».

*Появляется К о н ф е р а н с ь е. Хочет увести со сцены Эллу, она сопротивляется.
Оркестр наигрывает вальс. Элла берет стул, танцует с ним.*

11.

*Темнота. Барабанная дробь, зажигается прожектор.
На сцену выходит К о н ф е р а н с ь е.*

КОНФЕРАНСЬЕ. Товарищи, сейчас для вас будут прочитаны отрывки из поэмы русского поэта Некрасова. Вступительное слово к этому номеру нашей программы, посвящённой созданию театра в нашем учреждении, произнесёт товарищ Элла. Аплодисменты, товарищи!

На сцену Э л л а, работница политотдела.

ЭЛЛА. Любовь поэта к своему народу, товарищи, породила неумолимую ненависть к его угнетателям, к его врагам. Любовь и ненависть были той силой, которая определяла внутренний пафос и трагизм творчества этого великого поэта. Ему было чуждо пассивное созерцание жизни, поэт не уходит от нее, а, наоборот, энергично и страстно борется за её переустройство, разоблачает тех, кто мешает счастью народа. Товарищи, поэт Некрасов уже тогда боролся с врагами народа! Некрасов в своих стихотворениях описывал безжалостные, но правдивые картины человеческого горя и страданий обездоленных людей. Поэт любил свой народ, сочувствовал ему и считал борьбу за его счастье и свободу великой целью, ради которой стоит жертвовать жизнью, товарищи!

*Конферансье аплодирует, Элла уходит.
На сцену поднимаются жены начальства, которые сидели в зале.*

ШУРА.

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит,

В избушке – теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.

ГРАФ.

Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.

МУЗА.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивой силой в движениях,
С походкой, со взглядом цариц...

Жены начальства, устраивают показ мод, прохаживаются по сцене.

КОНФЕРАНСЬЕ.

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

ШУРА.

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

МУЗА.

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

ЭСТОНКА.

В игре ее конный не словит,
В беде не сробеет – спасет:

Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

МУЗА.

В ней ясно и крепко сознание,
Что всё их спасение в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,

ШУРА.

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Конферансье помогает жёнам начальства спуститься в зал.

КОНФЕРАНСЬЕ.

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи –
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит – хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

ШУРА.

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет – по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

ГРАФ.

Дорога везде чародею,
Чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
Над самой её головой!

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

«Вглядись, молодница, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?»

ДИРИЖЕР.

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны,
Построю дворцы изо льда.

Задумаю – реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

*Жены начальства встали, идут из зала, под руку со своими невидимыми мужьями.
Оркестр встает. Дворянка остаётся в зале.*

ШУРА.

Где быстрые, (*пауза*) воды
Недавно (*пауза*) текли...

КОНФЕРАНСЬЕ (*подсказывает*).

Где быстрые шумные воды
Недавно свободно текли.

ШУРА.

Где быстрые, шумные воды
Недавно спокойно текли,
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

КОНФЕРАНСЬЕ.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

ГРАФ.

Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запыхает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам – хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А все не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

ДИРИЖЕР.

Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Поцарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

КОНФЕРАНСЬЕ.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой...»

И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

Вспышка. Свет гаснет.

12.

Звук шипения закончившейся патефонной пластинки. Сцена поворачивается. Луч прожектора выхватывает двух женщин, стоящих на краю сцены за ширмой, на которой нарисовано море, пляж и солнце. Видно мужчину, который снимает фрак, бабочку, отдаёт это все Элле. Она помогает ему надеть медицинский халат, сверху фартук и уходит. Видно пару эстонцев – он обнял её. Прожектор выхватывает музыкантов оркестра, которые застыли с инструментами в руках. Прожектор движется дальше, на краю сцены высвечивает Елену и Капитана. Елена что-то объясняет Капитану, он не соглашается с ней, пытается снять тулуп, она мешает ему снять его, толкает к выходу. Мужчина уходит, женщина крестит его в спину. Прожектор отворачивается от нее, светит на музыкантов, на Музу, которая скручивает в трубку нотную тетрадь, расправляет её, прижав к себе, смотрит на дверь.

Прожектор выхватывает женщин, которые стоят на краю сцены за ширмой – это Пьющая, Дворянка и Элла. К ним подходит Елена. Следом за ней идет Конферансье, несет небольшой столик. Ставит его, кланяется, уходит. Пьющая ставит на стол бутылку и две рюмки, наливает. Одну протягивает Елене, выпивает. Елена молча берет рюмку, отпивает глоток.

ПЬЮЩАЯ (женщинам). Зря не пьете, зря. Теперь уже чего? Кто знал, что так выйдет? Так что, пейте, не бойтесь, мужьям не до вас теперь... Вот как вышло, и на поэта бывает проруха, да?!

Прожектор выхватывает ширму, перед которой сидят на табуретках спинами друг к другу Капитан и Дирижер. За ширмой зажигается свет, видно фигуру в плаще и шляпе.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Как так получилось, что во время торжественного концерта, посвящённого созданию театра в нашем учреждении, возникла эта контрреволюция?

Прожектор перемещается на женщин.

ПЬЮЩАЯ. Кто бы знал, что нельзя про ледяные мосты... Ты, Елена, пей. Я ещё налью: тебе нужно сейчас. *(Обращается к женщине, которая стоит поодаль.)* Дворянка, налить тебе? *(Женщина кивает.)* Ну вот, другое дело! *(Наливает Дворянке, та пьет залпом, отходит.)*

Прожектор перемещается на Шестипалого, Капитана и Дирижера.

КАПИТАН. Я не совсем понимаю, о чем идёт речь.

ДИРИЖЕР. Если ваш вопрос касается стихотворения Некрасова, то...

ШЕСТИПАЛЫЙ. Значит, вы знаете, в чем была контрреволюция... Это хорошо, продолжайте.

КАПИТАН. Я не вижу никаких враждебных или контрреволюционных вещей в нашем концерте и в стихотворении товарища Некрасова.

Прожектор перемещается на женщин.

ПЬЮЩАЯ. Елена, как Капитана своего спасти будешь? Ты же понимаешь, что из-за тебя все?! (Елена пьет. Обращается к Элле.) Переживает. Беда, муж про любовника узнал! Этого спровадит – новый появится. Ну не может она без этого дела, а муж слишком занятой достался.

Прожектор перемещается на Шестипалого, Капитана и Дирижера.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Стало быть, нет... Хорошо, у вас будет время подумать. Вы утверждали концертную программу?

КАПИТАН. Дело в том, что концерт был под угрозой срыва, так как Дирижера оркестра по ошибке забрали ночью... Я занимался этим вопросом.

Прожектор перемещается на женщин.

ПЬЮЩАЯ. Жаль, конечно, что всю самодеятельность похоронят... Так что не будет у нас больше концертов и танцев. (Пьет.)

Дворянка выходит на авансцену, тихо читает стихи.

ДВОРЯНКА.

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
Как с девочкой чужой гулять!..

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

А Катька где? - Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Прожектор перемещается на Шестипалого, Капитана и Дирижера.

ДИРИЖЕР. Все так и было... Меня ночью забрали, а сегодня – концерт. Гражданин Капитан не знал о том, что будет стихотворение Некрасова. Это моя идея.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Это что получается, Капитан, что у вас враг народа составляет программу концерта, а вы не знаете об этом? Это какие мосты не сможет построить наш народ?

Прожектор перемещается на женщин.

ПЬЮЩАЯ (Елене). Хочешь, я попрошу мужа, чтобы он исправил всё? Он может и словно не было ничего... Хочешь?

ЕЛЕНА. Что я за это должна буду?

ПЬЮЩАЯ. Я подумаю сейчас... Выпьем? (Елена кивает, Пьющая наливает ей и себе).

ДВОРЯНКА.

Что, Катька, рада? – Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!..

Прожектор перемещается на Шестипалого, Капитана и Дирижера.

КАПИТАН. Наш народ может построить любые мосты, я уверен в этом.

ДИРИЖЕР. Наш народ может построить всё.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Вот вы своей концертной бригадой и докажете это. Так сказать, опровергнете заблуждение поэта относительно нашего народа.

Прожектор перемещается на женицин.

ЕЛЕНА. Ну, подумала? Я прошу: сделай так, будто не было ничего.

ПЬЮЩАЯ. Я попрошу мужа, он сделает так, что все к началу вернется. Если ты Капитана бросишь...

Прожектор перемещается на Шестипалого и Капитана.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Ну, что вы сидите? Можете идти. Кто будет за вас ошибки исправлять?

Дирижер и Капитан встают.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Мы с вами еще не договорили, Капитан.

Дирижер уходит, Капитан садится.

ДВОРЯНКА.

– Все равно тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем.
– Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! – И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...

Музыканты кладут инструменты, надевают ватники и шапки, к ним присоединяется Дирижер с Музой.

Прожектор перемещается на женицин.

ЕЛЕНА. Зачем тебе это? Я не понимаю, для чего ты так просишь... Я не могу без него...

ПЬЮЩАЯ. Ты же хочешь его спасти... Да или нет?

Прожектор перемещается на Шестипалого и Капитана.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Не понимаю, зачем вы губите свою карьеру?

КАПИТАН. Не понимаю вопроса...

ШЕСТИПАЛЫЙ. А если подумать, Капитан? Хорошо с чужой женой крутить? Откажитесь от нее и работайте дальше.

Прожектор перемещается на женицин.

ЕЛЕНА. Попроси чего-нибудь другого... Украшения есть, шубы... Чего хочешь?

ПЬЮЩАЯ. Я тебе все сказала – теперь решай.

Прожектор перемещается на Дворянку.

ДВОРЯНКА.

Так идут державным шагом,
Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.

К о н ф е р а н с ь е вернулся на сцену за фотоаппаратом, фотографирует Дворянку.

КОНФЕРАНСЬЕ. Считаю, что обязан донести информацию о данной особе. Она дворянского происхождения, отец расстрелян после революции, мать бежала за границу. Чтобы оставшиеся родственники избежали ареста, гражданка Д. обольстила гражданина следователя, впоследствии стала его женой. Позже муж был арестован за вредительство во время строительства железнодорожной ветки и отправлен в лагерь, в котором некогда был начальником. Почему данная особа избежала участи мужа, я не знаю. Хочу отметить ещё одно моё наблюдение: геолог, который открыл наше месторождение, тоже вернулся к нам же, только уже в другом статусе. О каких-либо новых наблюдениях незамедлительно сообщу.

Сцена поворачивается против часовой стрелки. Д и р и ж е р и у ч а с т н и к и концерта уходят в темноту. Звук шипения закончившейся патефонной пластинки.

13.

Сцена останавливается. Луч прожектора поочерёдно высвечивает лица Д и р и ж е р а, Музы, Шуры, Графа, Дворянки, Эстонца, Эстонки, Немого. Они снимают одежду.

ДВОРЯНКА. Это тут?

ЭСТОНКА. Как холодно...

НЕМОЙ. Они не убьют нас, им это не нужно.

ДИРИЖЁР. Я не понимаю вас. Вы пытались объяснить мне, пока мы шли, но я не понял.

НЕМОЙ. Я полагаю, что им не выгодна наша смерть – им нужно наше время. Они его хотят забрать, а нас, но уже других, вернуть к работе. Я работал с профессором, пока его открытие не засекретили. Мы вернёмся.

ШУРА. Это типа как Фима вернулся?

ДИРИЖЕР. Время у нас и так забрали уже.

НЕМОЙ. Не совсем. Для работы зеркала нужен донор, нужно чье-то время. У вас забирают ваше время, и вы становитесь другим. Отсюда с шестьдесят девятой параллели начинается зона парадоксального течения времени. Можно и в прошлое, и в будущее, здесь время может менять свою плотность и направление...

ШУРА. Это типа я не я буду?

НЕМОЙ. Сложно объяснить вот так сходу. Да и вряд ли нужно. Ничему не удивляйтесь и не бойтесь. Они не понимают, с чем имеют дело. Установка, которую они собрали, исходя из открытия профессора, – ерунда, по сравнению с природным зеркалом. Вот, смотрите. Дело в том, что в этом месте ландшафт образует вогнутое зеркало. Они заставляют нас открывать мерзлоту, не понимая, что вот это зеркало скоро начнёт работать само по себе, количество открытой мерзлоты будет огромным. И тогда никто не знает, что будет: зеркало начнёт работать без их ведома и участия.

ШУРА. Это типа все как Фима встанут?

ДИРИЖЕР. Я понимаю, про что вы говорите. Получается, что так называемый «донор» может попасть и в прошлое, и в будущее?

НЕМОЙ. Точно знаю только то, что мы не умрем.

ДВОРЯНКА. Скорее бы уже...

Все сложили вещи перед собой. Вышли в о х р о в ц ы, выдали каждому лист металла.

ДИРИЖЕР. Я это видел уже...

МУЗА. Я буду ждать тебя...

ШУРА. Нет, ну если как с Фимой получится, то тогда чего...

ГРАФ. Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

Появляется свечение, вой ветра.

Сцена вращается. Звук шипения закончившейся патефонной пластинки. Дирижер сидит за роялем, наигрывает что-то похожее на «Взвейтесь кострами», к нему подходит мужчина в плаще и шляпе – Шестипалый.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Здравствуйте. Я вот по какому делу к вам... Мне сказали, что вы – молодой, подающий надежды композитор, комсомолец. Партия поставила перед нами задачу написать что-то вроде марша, гимна Пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина. Слова уже есть, их написал один талантливый поэт. Правда, ритмическую основу он позаимствовал в «Фаусте», но это не страшно. Нужно же на что-то опираться.

ДИРИЖЕР. Не страшно... А почему я? Мне кажется, я не гожусь для такой роли.

ШЕСТИПАЛЫЙ. А вы не бойтесь. Для советского человека нет невыполнимых заданий! Я думаю, что написание гимна пионеров – это почетная миссия, о которой мечтает каждый советский композитор, тем более начинающий. Берётесь?

ДИРИЖЕР. Простите, что не оправдал оказанного мне доверия, но я откажусь. Да, я отказываюсь от вашего предложения. Найдите другого композитора. Я думаю, будет много желающих.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Бойтесь не справиться, но не бойтесь отказывать! Может быть, вы подумаете? Мне кажется, мелодия, которую вы наигрывали перед моим приходом, очень даже подошла бы нашим стихам.

ДИРИЖЕР. Прошу меня простить, но я, кажется, ответил вам. Сейчас мне хотелось бы остаться одному.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Остаться одному... Вот это не проблема... Это запросто... Повторюсь, что расстроен вашим отказом... Простите, что украл ваше время. До встречи!

ДИРИЖЕР. Прощайте...

Ш е с т и п а л ы й уходит, Дирижер наигрывает мелодию. Мелодию Дирижера продолжает оркестр.

Сцена поворачивается. На сцене танцует пара эстонцев.

Входит Ш е с т и п а л ы й с фотоаппаратом на треноге. Рабочие выносят задник с морем, устанавливают его.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Какая красивая пара! Сделайте фото – остановите мгновение! Товарищи, прошу вас!

Он и она останавливаются, шепчутся, смеются. Рабочие выносят задник с морем, устанавливают его. Он и она танцуют без музыки. Вступает оркестр. Шестипалый пытается сфотографировать их.

Сцена вращается. Ширма, на которой нарисована сцена-ракушка. Перед ширмой мужчина в костюме. Перед ним стоят люди. Мужчина читает лекцию.

НЕМОЙ. Время — колоссальный источник энергии. Время может расширяться и сжиматься. Время может быть счастливым, а может быть трагическим.

Появляется Ш е с т и п а л ы й.

НЕМОЙ. Когда весь Мир перемещается по оси времени от настоящего к будущему, само это будущее, если оно физически реально, будет идти ему навстречу и будет, стягивая многие следствия к одной причине, создавать в системе тенденцию уменьшения ее энтропии.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Простите, у меня вопрос. Вы сказали, что будущее реально... Возможно, вы знаете способ заглянуть в него?

НЕМОЙ. Я знаю такой способ...

ШЕСТИПАЛЫЙ. Хорошая шутка, товарищ! Правда ли, что вы не согласны с высказыванием Энгельса, что «Ньютон – индуктивный осел»? Вы, кажется, сидели за это...

НЕМОЙ. Ньютон – величайший ученый.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Огромное вам спасибо... Теперь есть причина, и, следуя вашей логике, будет следствие! До встречи!

НЕМОЙ. Вы ничего не поняли... Время может расширяться и сжиматься. Время может быть счастливым, а может быть трагическим. Таково было физическое свойство того времени. Прощайте.

Сцена вращается. На сцене рояль, около него молодой мужчина читает стихи. Стоят зрители, слушают.

МУЖЧИНА.

В гудках авто, в громадах серых зданий
И блеске электрических огней

Не слышно нам старинных заклинаний,
Не видно оживающих камней.

А между тем, как прежде, правит смертью
И тусклой жизнью только пустота.
Над крышами домов кружатся черти,
И ведьма гладит черного кота.

Появляется Ш е с т и п а л ы й.

Под сердцем наших дев гнездятся жабы,
В трамваях наших бродят упыри,
Но мы не знаем, где свершают шабаш,
И чьей кровью кропят алтари.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Bravo! Вы не знаете, чьи это строки?..
«Колдовством и ворожбою
В колдовстве глухих ночей
Леопард, убитый мною,
Занят в комнате моей...»

МУЖЧИНА. Знаю...

ШЕСТИПАЛЫЙ. Мне кажется, что ваш отец не был в Абиссинии. И леопард этот...

МУЖЧИНА. Нет, он был там!

ШЕСТИПАЛЫЙ. Кому лучше знать, мне или вам?

МУЖЧИНА. Конечно, мне...

ШЕСТИПАЛЫЙ. Так я думал, спасибо... Простите, что отнял ваше время...

*Сцена поворачивается. Рабочие выносят стол и стул, надевают на К о н ф е р а н с ь е
медицинский халат. Конферансье садится за стол. Входит Ш е с т и п а л ы й,
рассматривает фотоаппарат.*

КОНФЕРАНСЬЕ. Добрый день. Вы что-то хотели?

ШЕСТИПАЛЫЙ. Здравствуйте, доктор. Хотите новый анекдот про советскую власть?

КОНФЕРАНСЬЕ. Я вас не знаю. Кто вы? Представьтесь, пожалуйста!

ШЕСТИПАЛЫЙ. Красивые фотографии, доктор. Это же почти искусство – умение
остановить мгновенье.

*Достает из кармана фотографии, тасует как карты, вынимает по одной, показывает
доктору.*

ШЕСТИПАЛЫЙ. В тюремной камере разговаривают двое: «Какой у тебя срок?» –
«Двадцать пять». – «За что?» – «Ни за что». – «Врешь! Ни за что десять дают». Не
вспомнили меня? Думали, что здесь можно спрятаться?

Конферансье встает.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Сидите. Я вижу, что вы вспомнили.

КОНФЕРАНСЬЕ. Я честно обо всем писал все эти годы.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Мы знаем, мы читали ваши отчеты.

КОНФЕРАНСЬЕ. А в чем тогда дело? Я что-то не так сделал?

ШЕСТИПАЛЫЙ. Мы не поняли вашу затею со стихотворением Некрасова. Это была ваша инициатива?

КОНФЕРАНСЬЕ. Видите ли, тут такая история... Наш начальник Культурно-воспитательного отдела, так сказать, запутался: у него связь с женой начальника Учетной части. Так вот Начальник, как бы это сказать правильно... Одним словом, он попросил меня, чтобы это стихотворение было в программе. Я предложил Капитану, он согласился.

ШЕСТИПАЛЫЙ. Если я вас правильно понимаю, участники концерта не виноваты?! Это была не их инициатива?

КОНФЕРАНСЬЕ. А что случилось?

ШЕСТИПАЛЫЙ. Начальник лагеря отправил их строить ледяные дворцы, чтобы опровергнуть строчку из стихотворения. Сказал: «Если зэки смогут построить, то наш советский народ сможет построить стократ!»

КОНФЕРАНСЬЕ. А Капитан?

ШЕСТИПАЛЫЙ. Не знаю, наверное, где-то с женой Начальника. Думаю, что его испуг скоро пройдет.

КОНФЕРАНСЬЕ. Я не знал, что все так обернется...

ШЕСТИПАЛЫЙ. Хотел спросить: как вы живёте со всем этим?

КОНФЕРАНСЬЕ. Тут в морге спокойнее, чем где-либо...

ШЕСТИПАЛЫЙ. Ну да ладно, это ваше дело... Всего доброго! Мне пора. *(Уходит.)* Да, чуть не забыл: больше не пишите нам, не нужно. Никогда больше нам не пишите. Вы меня поняли? Помните, как там у классика: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!». Прощайте...

Конферансье достаёт из стола папки, вынимает из папок бумаги, начинает рвать их.

КОНФЕРАНСЬЕ. Я не понимаю, как оно происходит в голове. Куда какие электрические токи проскакивают. Раз – и ты выбрал. Какая-то доля секунды. От чего зависит, что токи так побежали? Что такое происходит в эту долю секунды? Получается, что выбираешь в этот момент раз и навсегда, и никогда ты уже после этой доли секунды прежним не будешь. И не важно, что было до и после что будет, – вот эта доля секунды все решает. И ты даже в этот момент понимаешь вроде, что делаешь, что решаешь сейчас навсегда, но не веришь себе, обманываешь. Потом же можно изменить всё! Врешь себе, что можно, что это всегда так кажется, что нельзя, – можно. Ты же проверял уже, получалось все изменить. Кто мое время украл? Какая-то доля секунды – и всё, пропал человек. *(Пауза.)* А для чего вот это всё? Я думал, что не бывает совсем невинных. К любому есть повод прийти, сесть напротив, закурить, разложить бумаги... *(Пауза.)* Получается, с того момента зря всё? А кто решил, что в моей жизни так должно быть? Почему так решили? Кто разрешил? Я вам что, марионетка какая? Нельзя так со мной. Какой-то закон природный тут есть, его не открыли еще, но все про него знают... Был до меня в морге начальник один. Он придумал, что трупы после вскрытия нужно грузить на телегу, которая по рельсам движется. Рельсы положили, дверь специальную сделали, чтобы в нее груженная телега проходила. Придумал он так – и первым на этой телеге поехал. Как так

вышло? Почему вернулось ему? Или геолог, который открыл тут всё? Сам же тут и оказался, только уже заключенным. *(Складывает очередную партию бумаги в ведро.)* Получается, что никому не нужно было вот это всё? Не оправдал я доверие, себя не оправдал. Я больше не хочу...

Снимает фартук, медицинский халат, надевает фрак. Достает пистолет. Смотрит на него, улыбается. Прикладывает к виску. Передумывает. Вставляет в рот. Во второй руке у мужчины тросик от фотоаппарата. Мужчина нажимает его. Вспышка. Темнота.

14.

Темнота. Луч прожектора шарит по сцене. Высвечивает К о н ф е р а н с ь е, лежащего на полу. Прожектор движется дальше, высвечивает барабаника, который играет дробь. Зажигается свет, Конферансье на авансцене.

КОНФЕРАНСЬЕ. Товарищи! Дорогие товарищи и граждане заключенные! Сегодня я, так сказать, выполняю роль ведущего нашего праздничного концерта, посвященного созданию театра.

Оркестр играет. Конферансье называет участников концерта, они выходят на сцену, занимают своё место, готовятся к групповому фото. Конферансье устанавливает фотоаппарат, присоединяется к актерам.

КОНФЕРАНСЬЕ. Театр, товарищи, по высказыванию певца революции, поэта Владимира Владимировича Маяковского, – это не отображающее зеркало, а увеличительное стекло! Так что мы в сегодняшнем концерте постараемся не отображать, а увеличивать!

Вспышка. Темнота. Слышно завывание ветра, лай собак, перекличку. Слышно, как настраивается струнный оркестр. Слышно, как мужские и женские голоса что-то читают негромко вслух. Все эти звуки сплетаются в какой-то гул, созвучный завываниям ветра. Долгий звук шипения закончившейся патефонной пластинки.

Конец

2016 год